

Зимнее солнцестояние — время, когда чиновники всех рангов уходят на семидневный отдых.

Тянь Чуи с самого утра отправился на рынок: он собирался купить овощей, чтобы вечером налепить пельменей и как следует отпраздновать.

Пусть он и не был важным государственным служащим, но всё же числился при делах. В эти дни от него требовалось лишь по очереди с остальными разносить еду трижды в день, а остальное время принадлежало только ему.

Сыт, обут, при деньгах — он и мечтать не мог, что однажды его жизнь станет такой чудесной.

— Это же Чуи! Пришел за покупками? — окликнула его издалека тетушка Сюй. Она торговала заколками, и на свою первую зарплату Тянь Чуи купил у неё украшение для матери.

Тетушка Сюй считала его почтительным сыном и при каждой встрече охотно болтала с ним. Позже, когда на неё напали грабители, он случайно оказался рядом и помог схватить преступников, передав их в руки столичной стражи.

Тетушка была очень признательна, и с тех пор они окончательно сблизились — она стала относиться к нему как к родному сыну.

Услышав голос, Тянь Чуи с улыбкой подошел к ней и указал на овощи в корзине:

— Вчера на зимнее солнцестояние не удалось толком поесть, сегодня вот исправляюсь.

— А вина не хочешь? Домашнее, как раз дошло, самое то. Давай вечером, как закроюсь, принесу тебе кувшинчик прямо в Далисы?

Тянь Чуи только хотел отказаться, как вдруг почувствовал мощный толчок в спину. Его сильно качнуло, и он едва не растянулся на земле.

— Ой, ты чего толкаешься?! — Тетушка Сюй тут же подбежала к ним и, указывая на нападавшего, принялась его отчитывать: — От тебя же вином разит за версту, нечего тут по улицам шататься!

Тянь Чуи обернулся. Его толкнул старик лет пятидесяти, небритый и пьяный в стельку, который едва держался на ногах.

Он нахмурился, собираясь поддержать старика, чтобы тот пришел в себя, но вдруг тот открыл рот и исторг струю алой крови.

— А-а! Кровь!

Рынок был полон людей, и после этого крика началась суматоха.

Тянь Чуи, проработав некоторое время в Далисы, при виде крови не впал в панику. Он замер, соображая, где поблизости есть лекарь, и вдруг увидел, как растекающаяся у его ног кровь собирается в странный узор.

— О боже! Это же гадание! Две инь зажали одну ян... Это... это к великой беде! — вскрикнул кто-то рядом.

Что?

Какая еще беда?

Тянь Чуи с ужасом смотрел на лужу у своих ног — кровь, отливающая чернотой.

— А-а!

Поместье Пэй.

Несмотря на выходной, Чжао Луинь встала рано, как обычно.

Последние два дня ей постоянно снился тот день, когда поместье окружили. Внутри стоял плач, всё было пропитано смертью.

Но мать, которая всегда была такой плаксивой, не проронила ни слезинки — она лишь гладила её по лицу, умоляя во что бы то ни стало выжить.

Чжао Луинь не могла уснуть, поэтому встала и принялась пересматривать доказательства против чиновников, собранные Фу Цилинем, которые ей недавно принес Доубао.

Она взялась за поместье Фу не только потому, что они были причастны к трагедии семьи Чжао, но и ради этой папки с бумагами.

Цзян Ханьчжу выяснила, что у Фу Цилиня есть такой реестр, еще когда они только прибыли в столицу. Тогда Чжао Луинь только начала службу, и у неё не было здесь никакой опоры.

Именно тогда она поняла, что Цзян Ханьчжу — не просто сумасбродка. Её способы сбора информации были настолько искусны, что превосходили навыки даже самых опытных людей.

Поэтому, когда Чжао Луинь заработала достаточно денег на аптеке Аньхэ и кондитерской Сы, она выкупила ресторан Пьяный бессмертный, чтобы Цзян Ханьчжу могла использовать его как базу для сбора сведений.

Чжао Луинь бегло просмотрела записи.

В основном здесь были доказательства коррупции ключевых фигур.

Например, Чжан Бэй, чиновник из Министерства чинов, отвечающий за аттестацию. Должность не самая высокая, но в его руках сосредоточена власть над карьерами всех чиновников. Это золотая жила — одних взяток хватило бы на несколько жизней вперед.

Однако все эти годы, чтобы заслужить доверие Лю Цзюя, она почти не развивала собственную сеть влияния при дворе.

Она была слаба и могла рассчитывать только на милость императора, в то время как вокруг кишели волки и тигры.

Чжан Бэй мог быть полезен, но лишь отчасти. Вместо того чтобы тратить время на выращивание верных ей людей, ей сейчас было нужно то, что позволит быстро сокрушить политических врагов.

Так, чтобы они уже не смогли подняться.

Поэтому...

Взгляд Чжао Луинь упал на другое имя — Люй Цзюньчэнь, цензор.

Отец наложницы Люй Чжаосюань. Хотя он не был главой ведомства, именно он фактически ведал делами об импичменте.

Все эти годы старая и новая партии пытались перетянуть его на свою сторону. Он был слаб, и по логике должен был тайно примкнуть к кому-то одному.

Но он умудрялся ловко уходить от ответов, отделяваясь пустыми любезностями.

Никому не отказывал, но и ни с кем не связывался.

Такие люди очень умны, они знают, как защитить себя и оставить путь к отступлению. А что, если лишить его этого пути?

Сможет ли он тогда работать на неё?

— Ты проснулась или нет?!

Чжао Луинь, погруженная в раздумья, вздрогнула от звука выбитой двери.

Цзян Ханьчжу, переодетая в мужской наряд, вальяжно вошла в комнату. Только ширма у кровати спасла помещение от внезапного порыва холодного воздуха.

Чжао Луинь помрачнела и, схватив подушку, швырнула её в подругу.

Для них это был привычный ритуал приветствия, поэтому Цзян Ханьчжу ловко поймала её и бросила обратно на кровать.

— Чего пришла?

Чжао Луинь снова уставилась в бумаги.

Цзян Ханьчжу присела на край кровати:

— Ты просила разузнать про того старого даоса. Сказала, что он кажется тебе знакомым.

Чжао Луинь замерла, пальцы невольно сжали бумагу. Она подняла голову, в её глазах мелькнула тень ожидания:

— Ну и? Удалось что-то выяснить?

— Ну...

Цзян Ханьчжу отвела взгляд.

— Тот даос раньше жил в пещере Бессмертного Мао в районе Хуайнань, редко показывался людям. Иногда спускался с гор, чтобы лечить больных, но большую часть времени проводил в лесах, занимаясь алхимией. Говорят, ему уже за девяносто, но он всё еще крепок, поэтому пошли слухи, будто он владеет искусством бессмертия.

— Ты...

Чжао Луинь замялась.

— Разве я об этом спрашивала? Разве не важно было узнать, кто он такой и почему она чувствовала с ним странное родство?

— Ой, ну не смогла я больше ничего нарыть... — Цзян Ханьчжу неестественно заболтала ногами.

Если присмотреться, можно было заметить, что она ведет себя странно, но, к сожалению, мысли Чжао Луинь уже вернулись к реестру.

— Как собираешься его использовать? — Цзян Ханьчжу тоже посмотрела на записи.

— М-м... — Чжао Луинь задумалась, затем улыбнулась, и в её глазах блеснул лукавый огонек.

— Кнутом и пряником.

Она закрыла папку, отложила её в сторону и повернулась к подруге:

— Ты за эти пару дней слышала о каких-нибудь странных происшествиях?

— Каких именно?

— Ну, например, о знамениях или чудесах.

Цзян Ханьчжу озадачилась, поразмыслила немного, и вдруг её осенило:

— Слышала, что вчера во дворце бронзовые сосуды в полночь начали сочиться темно-красной ржавчиной. А еще пару дней назад на Линнань похоронная процессия шла, и у бумажной куклы вдруг открылись глаза. И еще...

— А сегодня утром на Западном рынке человек выплюнул кровь, сложившуюся в фигуру гадания.

Чжао Луинь рассмеялась.

— Что такое? Ты знаешь, чьих это рук дело? — удивилась Цзян Ханьчжу.

— Лю Цзюй, не иначе.

Чтобы выжать из людей побольше денег на свои прихоти, он действительно последовал моему совету.

— Сделай вот что: подлей масла в огонь. Распусти слух, что в следующем году грядет великое бедствие.

— Зачем ему это? — спросила Цзян Ханьчжу.

— Он хочет поднять налоги.

— Поднять налоги?! Но...

Но ведь за последние два года столько бедствий, народ истощен, откуда брать зерно и деньги?

Цзян Ханьчжу вдруг что-то осознала:

— Ты же не... согласилась?

Чжао Луинь поняла, о чем та хочет спросить, и улыбнулась:

— Ты же знаешь, благо народа никогда не было причиной моего прихода во власть. У меня есть только одна цель — заставить Лю Цзюя заплатить по счетам.

— Остальное меня не касается.

— Я же говорила тебе раньше: я не хороший человек.

Глаза Чжао Луинь были подобны бездонным черным омутам — темные, загадочные, способные поглотить любой свет, отчего на них было страшно смотреть.

Цзян Ханьчжу долго молчала, опустив голову. Так долго, что Чжао Луинь уже решила, что та больше ничего не скажет, но подруга тихо произнесла:

— Я знаю. Но ты нежнее многих людей в этом мире.

Поместье Сы.

Сы Цзинчжоу весь день ходил как в тумане. На оклики не отвечал, и Лю Инъяо уже испугалась, не повредился ли он рассудком от вчерашней пьянки, и хотела было звать лекаря.

Сы Лухэ жестом остановил её:

— Не надо, матушка, не стоит паниковать. По-моему, он просто ещё не протрезвел.

Он смерил брата взглядом. Тот выглядел вполне здоровым, щеки румяные, ну точно не больной.

— А вдруг это жар? — Лю Инъяо коснулась его лба, ей показалось, что он горячее обычного.

Пока они вдвоем решали, какое лекарство ему дать, Сы Цзинчжоу, казалось, ничего не слышал. Он сидел на краю кровати, глядя в пустоту, и снова и снова в памяти всплывал тот жгучий поцелуй, горячее дыхание и невероятно сладкий аромат.

— ...

— Кажется, я болен.

Сы Цзинчжоу нахмурился и прижал руку к груди.

Лю Инъяо чуть в обморок не упала. В поместье поднялся переполох, и лишь когда лекарь после тщательного осмотра заверил, что с телом и сердцем всё в порядке, а вот с головой — возможно, и нет, в доме наконец воцарился покой.

— Ты с самого вечера странный. Ушел с банкета, а вернулся — и давай заливать в себя вино.

— Что у тебя случилось?

Сы Лухэ был уверен: брат что-то увидел, когда выходил. Он вспомнил вчерашние вопросы и реакцию Сы Цзинчжоу.

Кажется, он догадался.

— Ты что, увидел, как любимая девушка милуется с другим, и от горя решил напиться?

В целом, он был недалек от истины, вот только с полом вышла заминка.

Услышав это, Сы Цзинчжоу поперхнулся чаем и зашелся в кашле.

— С чего бы мне любить его!

Как он мог любить мужчину? Это же полнейший абсурд!

К тому же, даже если бы ему нравились мужчины, он ни за что не выбрал бы Пэй Цзи. Тот человек — самый противный на свете, вечно его дразнит, в голове одна пошлость.

Он его терпеть не может!

<http://bllate.org/book/19166/1881879>